

УДК 821.161.1

А.С. СТОРОЖАКОВА

(anna.storozhakova@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СКАЗКА И БЫЛЬ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»*

Анализируются особенности реализации сказочного закона «сказано – сделано» в романе Г. Яхиной «Дети мои». Закон позволяет выявить соотношение сказки как части официальной советской идеологии и реальной истории немцев Поволжья 1920–1930-х годов. В отличие от фольклорной волшебной сказки, демонстрируется разрыв между сказочным словом, надеждой героев на счастье и его антисказочными последствиями, превращающими сказку в трагическую быль.

Ключевые слова: Г. Яхина, «Дети мои», сказка, Д.Н. Медриш, закон «сказано – сделано», фольклор, псевдофольклор.

Закон «сказано – сделано» – один из главных повествовательных законов фольклорной волшебной сказки. Он играет сюжетобразующую роль в романе Гузели Яхиной «Дети мои» (2018 г.) и выступает в качестве литературного приёма.

Природно присущий поэтике волшебной сказки он был теоретически осмыслен покойным профессором Волгоградского государственного социально-педагогического университета Давидом Наумовичем Медришем [2, с. 64–91] и получил в научном обиходе неофициальное название «Закон Медриша».

Суть закона формулируется ученым так: если в сказке о чем-то сказано, это обязательно совершится независимо от модальности высказывания. Иными словами, слово и событие в повествовательной структуре волшебной сказки взаимообусловлены: «Что было сказано, то будет сделано». Слово неотвратимо влечет за собой действие: «Встань передо мной, как лист перед травой». Исторические корни этих сказочных формул восходят к архаическим представлениям об особой силе слова в магических действиях, сопровождавших заговоры, календарные и семейные обряды, сакральные ритуалы, отразившихся при переходе от мифа к сказке как сознательному художественному вымыслу. В литературе магия слова – это поэтическая метафора, свидетельствующая о силе его воздействия на читателя.

Анализируя характер реализации закона «сказано – сделано» в сказке, Д.Н. Медриш выделяет четыре вида высказывания: прямую речь – сообщение, слово-пожелание, слово-запрет и слово-оговор. В своей книге он пишет: «При всем различии между сообщением и пожеланием, с одной стороны, запретом и оговором, с другой, результат во всех случаях тот же – слово переходит в действие» [2, с. 81].

Прежде чем обратиться к формам проявления этого сказочного закона в повествовательной структуре романа Г. Яхиной, необходимо выявить его историко-культурный контекст. Действие в нем разворачивается в двадцатые-тридцатые годы прошлого века на территории Поволжья, в небольшом немецком поселении Гнеденталь. В это время в СССР, как утверждал немецкий исследователь Ханс Гюнтер, «ключевую роль играл переход от понятия “пролетариат” к понятию “социалистический народ”, на место марксистской утопии приходит национал-большевизм. Народ, конечно, понимается при этом не в социологическом, а в эмфатическом, вернее, мифологическом смысле. Общество описывается как пирамида, в основе которой находится народ, а на вершине – вождь» [3, с. 45]. Именно поэтому, по замечанию Феликса Розинера, сюжеты новых фольклорных текстов этой эпохи прямолинейны и телеологичны: в них выполняются партийные задачи, организуются колхозы, строятся заводы, воспитываются герои, разоблачаются враги пролетариата. И почти во всех этих текстах можно увидеть черты поэтики волшебной сказки, описанные В.Я. Проппом в его труде «Морфология сказки» (1928). Тема счастливого сказочного будущего становится неотъемлемой частью официальной идеологии, которая активно пропагандировала песенный лозунг «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» («Марш

* Работа выполнена под руководством Гольденберга А.Х., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

авиаторов», 1923 г., музыка Ю. Хайта, слова П.Д. Германа). И как справедливо заметил Феликс Розинер, «для того, чтобы эта историческая миссия стала выполнима, нужно было прежде занять ту “сказку”, из которой и предполагалось сделать “быль”» [3, с. 1009]. Недаром председателю колхоза Гофману из романа «Дети мои» понадобились фольклорные тексты. По его мнению, только так он мог проникнуть в сердца жителей Гнеденталя и донести до них социалистическую идеологию. При этом Гофман требует у Баха, главного героя романа, сказки с правильным концом. Что же подразумевается под ним? Тексты, не противоречащие идеологии. В них не должно было быть ни слова о религии или магии. Гофман так объясняет Баху их неуместность: «Все твои волшебники с кристаллами да чародеи с жезлами – это все бывшие герои, поверь мне. Вот пусть про них бывшие люди и читают: гимназисточки с офицеришками да дамочки интеллигентские. А народ поймёт – про себя да про тех, кого он в амбаре или в лесу соседнем встретить боится» [5, с. 240].

Внезапно на сотой сказке истории, написанные Бахом на основе сюжетов немецких народных сказок, услышанных им от покойной жены, начинают сбываться, и он с удвоенной силой начинает писать о плодородии, урожайности, веря, что таким образом он помогает гнедентальцам. Сюжеты его текстов начинают походить друг на друга, возникает «фольклорная цикличность и повторяемость сюжетов» [1, с. 328].

Необходимо также отметить, что согласно закону «сказано – сделано», в фольклоре принято избегать письменной речи и посредников. Однако сам Бах на момент написания сказок немой, поэтому фиксирует их на бумаге и передаёт не напрямую в газету, а через председателя колхоза Гофмана, который активно редактирует полученные тексты, обытовляя и актуализируя их.

Возможно по этим двум причинам, а может, как следствие сатиры на закон «сказано – сделано», часто встречающейся в бытовых сказках и проявляющейся в намеренных нарушениях закона, через некоторое время сказки Баха и жизнь гнедентальцев начинают расходиться на фоне череды трагических событий: смертей колхозников, проказы детей, падёжа скота, пропажи техники. И Баха это пугает, он хочет, чтобы сбывалась только добрая сторона его сказок.

Д.Н. Медриш в своей работе писал: «По мере того, как герою все больше приходится самому изыскивать пути преодоления жизненных препятствий, действуя в зависимости от сложившихся обстоятельств, закон единства сказанного и сделанного утрачивает силу, а верящие в его незыблемость персонажи становятся жертвой удачливого героя социально-бытовой сказки» [2, с. 287]. Можно предположить, что эгоистичные желания Баха (заработок ради молока для дочери) и фанатизм Гофмана при исполнении партийных директив дали обратный эффект, превращающий волшебную сказку в страшную быль.

Д.Н. Медриш также обращает внимание на мотив подмены в сказочной речи (в бытовой сказке часто встречается обманная речь, а в случае с книгой Гузели Яхиной – вместо слов немого героя представлены его записи): когда герои ради собственной выгоды прибегают к обману через мнимую речь. «Мнимое пожелание влечет за собой помощь также мнимую – конечное состояние оказывается хуже начального» [Там же]. Так и в романе Г. Яхиной: процветающее немецкое поселение приходит в состояние разрухи и упадка, и не исключено, что сказки Баха в интерпретации Гофмана стали одной из причин этого.

В своей статье о характере фольклорных произведений, представленных в романе, современная исследовательница Э.Ф. Шафранская показывает, как редактировали фольклорные тексты в довоенную советскую эпоху: «Подлинному фольклору противопоставлен псевдофольклор, который стал результатом вмешательства официальной идеологии в развитие устного народного творчества» [4, с. 101]. Исследовательница утверждает, что только подлинный фольклор влияет на человеческую историю. Псевдо- же остаётся лишь на бумаге. В романе Гузели Яхиной «передельвание» фольклора в негативном смысле влияет как на историю страны, так и на реализацию закона «сказано – сделано» (из-за этого он трансформируется, постепенно снижает свою сюжетобразующую роль).

Рассмотрев функции сказочного закона «сказано – сделано» в романе «Дети мои», можно сделать вывод, что он является эффективным литературным приемом, неотъемлемой частью поэтики произведения (именно сказки играют в нём сюжетообразующую роль). Автор использует его как в прямом, так и в обращённом виде, рефлексировав над законом, который противоречит течению реальной жизни. Он позволяет выявить соотношение сказки как части официальной советской идеологии и реальной истории немцев Поволжья 1920–1930-х годов (быль). Если воспользоваться терминологией Д.Н. Медриша, в романе «сказочны все начала, завязки, надежды, антисказочны – концы, развязки, решения» [2, с. 151]. Для героев романа советская быль оборачивается страшной сказкой с трагическим финалом.

Литература

1. Багратион-Мухранели И.Л. Трансформация классического немецкого фольклора в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XX вв.: колл. моногр. Нижний Новгород: Изд-во Национ. исследоват. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 327–333.
2. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980.
3. Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академич. проект, 2000.
4. Шафранская Э.Ф. Фольклор как сюжетообразующий концепт в романе Гузели Яхиной «Дети мои» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 2. С. 101–110.
5. Яхина Гузель. Дети мои. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018.

ANNA STOROZHAKOVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

FAIRY TALE AND TRUE STORY IN THE NOVEL “MY CHILDREN” BY GUZEL YAKHINA

The article deals with the analysis of the specific features of the implementation of the fairy tale law “spoken – done” in the novel “My children” by G. Yakhina. The law is an effective method to represent the correlation of a fairytale as a part of the official Soviet ideology and real life of the German in the Lower Volga region in 1920–1930. There is demonstrated the gap between the fairy tale word, the hope on the success and its anti-fairytale consequences that turn a story into tragic reality by contrast with the folklore fairy tale.

Key words: *Guzel Yakhina, “My children”, fairy tale, D.N. Medrish, the law “spoken – done”, folklore, pseudo-folklore.*